

От соперничества к конкуренции: Восточное партнерство во внешней политике Польши

Последнее десятилетие XX в. Россия провела в оборонительном, зачастую малоуспешном соперничестве с Западом в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Новые тенденции обозначились в середине 2000-х годов. В их основе лежала замена соперничества конкуренцией великих держав. Принципиальное отличие состоит в том, что объектом конкуренции является не соперник, а те страны, на которые они пытаются распространить влияние. Эволюция политики в отношении бывших советских республик была симметричной со стороны западных стран и России. В ее основе лежали такие факторы, как определение долгосрочной восточной границы ЕС, укрепление международных позиций России, готовность постсоветских стран к внутренним изменениям и интеграции, рост плотности политических коммуникаций и конфликтности в регионе. Следствием перечисленного стал поиск новой повестки дня для региона, а также рост ресурсоемкости политики великих держав.

Конкурентная политика в гораздо большей степени, чем соперничество, выстраивается на принципах сотрудничества и создания привлекательности. Она имеет выраженную временную протяженность, внутреннюю наполненность, диалогичность и альтернативность. В ее основе всегда лежит проект и определенная перспектива, будь то Восточное партнерство или российский Евразийский союз. Вместе с тем история Восточного партнерства демонстрирует, что, несмотря на обновление политических тенденций на постсоветском пространстве, повестка сотрудничества и риторика не меняются. Это наводит на мысль об идейной несостоятельности этой инициативы.

Переход к конкурентной модели отношений обычно говорит о стабилизации противоречий, не исключая, впрочем, мелких компромиссов между державами. Момент перехода в политике держав на постсоветском пространстве совпал с «оранжевой революцией» на Украине. Тогда же, в 2004 г., состоялась инициация Польши, будущего вдохновителя Восточного партнерства, в качестве активного игрока на постсоветском пространстве. Польские дипломаты и политики активно участвовали в посредничестве между конфликтующими сторонами и популяризировали идею прозападного выбора «оранжевых» сил. В Польше стали трактовать произошедшие изменения как ослабление российского влияния на постсоветском пространстве и рост привлекательности «европейского выбора». Ситуация рассматривалась как модель, ключевыми элементами которой были единство Запада, эффективное участие Польши во внутривосточном процессе бывшей советской республики и итоговый рост польского регионального статуса. Определенная деструкция российских позиций породила конкурентную ситуацию, в которой Польша не ощущала себя второстепенным игроком, в отличие от ситуации внутри ЕС.

При президенте Л. Качиньском внимание польской дипломатии к восточной политике еще более возросло, отчасти потому, что его евроскепсис и непредсказуемость делали страну менее успешной на направлении ЕС. Однако ресурсов для восточной политики у Польши не было. Решением стала программа

* Офицеров-Бельский Дмитрий Владимирович – доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ-ВШЭ (Пермский филиал).

Восточное партнерство, разработка которой началась еще в 2007 г. в польском Министерстве иностранных дел. Она стала дополнением к Европейской политике соседства, целью которой было заявлено сближение ЕС с Белоруссией, Украиной, Молдавией, Арменией, Азербайджаном и Грузией. У ЕС уже имелся опыт региональной политики, в частности Средиземноморский союз и Северное измерение, а также Восточное измерение и Новое соседство на постсоветском пространстве. Все эти проекты были попыткой трансформировать региональные амбиции отдельных стран в общеевропейские внешнеполитические проекты, однако не оправдали ожиданий.

Проект партнерства был представлен министром иностранных дел Польши Р. Сикорским 26 мая 2008 г. на Совете ЕС по общим вопросам и внешним связям. Менее чем через месяц, 19–20 июня 2008 г., на Европейском совете состоялась первая открытая дискуссия о Восточном партнерстве. Чехия поддержала предложение в полном объеме, в то время как Болгария и Румыния были гораздо осторожнее, полагая, что Черноморский форум за диалог и сотрудничество и Организация черноморского экономического сотрудничества утратят смысл в случае реализации программы партнерства.

Для Польши Восточное партнерство является источником целого ряда возможностей. Во-первых, это защита собственных экономических и политических интересов на постсоветском пространстве; во-вторых, это политические и репутационные дивиденды для Польши на европейском политическом поле, а также поддержание статуса важнейшего регионального партнера США. Польское лидерство в Восточном партнерстве должно способствовать оживлению еще одного регионального сообщества – Вышеградской группы, которая может получить импульс развития от контактов с постсоветскими странами. С ними страны Вышеградской группы объединяет ряд общих проблем, в частности в энергетической сфере.

Помимо Польши инициатором Восточного партнерства считается Швеция, уже имевшая опыт Северного измерения. Ее участие в Восточном партнерстве создавало основу для более глубокой интеграции двух проектов. Играл роль и календарный фактор: Швеция должна была приступить к председательству в ЕС 1 июля 2009 г. и сформировать повестку дня с прицелом на реформирование восточной политики ЕС. В то время когда партнерству только предполагалось дать старт, совместная инициатива Польши и Швеции имела еще одну важную подоплеку – обе страны активно выступали против проекта «Северный поток» и в рамках Восточного партнерства рассчитывали существенно расширить список стран, участвующих в обсуждении вариантов транзита энергоресурсов из России в ЕС. Например, это могли быть прибалтийские страны, Украина и Белоруссия.

Позицию «старой» Европы, а именно Франции и Германии, в отношении Восточного партнерства на начальном этапе можно охарактеризовать как сдержанную и выжидательную. В этих странах закономерно опасались, что политика Польши может нести в себе риски осложнения отношений России и ЕС. Опасения усиливала неоднозначная репутация президента Л. Качиньского. Кроме того, существовала вероятность, что в случае одобрения проекта Польша начнет за счет выделенных средств реализацию собственной внешнеполитической стратегии.

Проект имел все шансы остаться на бумаге, если бы не российско-грузинский конфликт августа 2008 г. Стало очевидным, что Евросоюзу необходима планомерная политика на постсоветском пространстве. Восточное партнерство стало ответом России, тем более актуальным, что ни ЕС, ни США не смогли существенно воспрепятствовать России в этом конфликте. В этом политическом контексте европейские политики отнеслись к польскому кураторству в целом

положительно, полагая, что жесткая позиция Польши в отношении России стала как никогда уместной. То, что прежде вызывало сомнения, превратилось в желаемое. Руководство страны не опасалось ухудшения отношений с Россией, обладало некоторым влиянием в регионе (которое, однако, не следует преувеличивать) и удачно позиционировало себя в качестве эксперта по постсоветскому пространству. Немаловажно и то, что Польша не была способна «присвоить» себе восточную политику ЕС в силу ограниченности собственного потенциала. Позиция «сомневающихся» стран, прежде всего Франции и Германии, основывалась на том, что Восточное партнерство – это еще не вся политика ЕС в регионе, а возможное напряжение в отношениях с Россией будет автоматически проецироваться на саму Польшу и, вероятно, на институты ЕС, но не скажется негативно непосредственно на германо-российских и франко-российских отношениях. Более того, заинтересованность России в политических контактах с Францией и Германией в такой ситуации должна была бы только возрасти.

Немалую роль в расширении европейской заинтересованности в Восточном партнерстве сыграл украинский газовый кризис в январе 2009 г., а также обозначившаяся угроза для транспортировки энергоресурсов через территорию Белоруссии. Нажим со стороны России на транзитные страны не дал искомым результатов и был воспринят в ЕС как продолжение агрессивной политики. В то же время явно обозначилась активность российской дипломатии в продвижении Таможенного союза – будущего Евразийского союза. Это тоже послужило стимулом ускорения Восточного партнерства.

Учредительная встреча состоялась почти год спустя после анонса программы, 7 мая 2009 г., в Праге — столице председательствовавшей на тот момент в ЕС Чехии. В комментариях российского МИД была заметна некоторая настороженность. Хотя саммит не вызвал шквальной критики с российской стороны, дипломатическая активность по дискредитации Восточного партнерства была довольно высока. Недовольство России было усилено прохладным отношением европейцев к инициативе президента Д. Медведева о заключении нового договора о европейской безопасности.

В рамках программы партнерства Европейской комиссией были определены четыре направления сотрудничества: в сфере демократизации и качества государственного управления, экономической интеграции вплоть до создания зон свободной торговли, энергобезопасности, контактов между людьми. Польские политики полагают, что западное деловое присутствие в регионе способно обеспечить альтернативу российским компаниям, контролируемым государством, а программы надлежащего управления ЕС помогут бороться с коррупцией, что ослабит российское политическое и экономическое влияние. Считается, что, предлагая бывшим советским республикам перспективу свободной торговли и безвизовых поездок в ЕС, Восточное партнерство может поощрить необходимые реформы для возможного членства этих стран в ЕС.

Многие эксперты отмечают, что в проектах партнерства присутствует гиперболизированное внимание к второстепенным внутрирегиональным вопросам. Однако помимо заявленных тем сотрудничества можно предположить существование еще целого ряда актуальных вопросов. К числу наиболее очевидных относятся мониторинг социально-политической ситуации и экономических показателей, меры по поддержанию политического плюрализма и проевропейской ориентации в странах партнерства, а также посредничество в неразрешенных до сегодняшнего дня конфликтах: приднестровском, карабахском, абхазском и югоосетинском.

В сфере безопасности Восточное партнерство дополняет, хотя и без особого успеха, программа «Киевская инициатива». Начало ей было положено на трехсторонней встрече в Киеве 23 июня 2009 г., когда советы безопасности Украины, Белоруссии и Польши договорились о сотрудничестве. По мнению польских политиков, Украина способна стать вторым центром силы на постсоветском пространстве. Расширение «Киевской инициативы» на остальные страны партнерства могло бы изменить весь расклад в сфере безопасности на постсоветском пространстве и сказаться на международных позициях России, но никаких признаков того, что это может произойти в ближайшей перспективе, нет.

Восточное партнерство получило повестку, отличную как от предыдущих инициатив, так и от предлагаемой Россией модели интеграции. Акцент был сделан на преобразованиях в административной сфере, вовлечении в диалог неправительственных организаций, оппозиции. Было бы недальновидно игнорировать заложенные в них потенциальные источники влияния и концентрироваться на контактах исключительно с представителями существующих и притом зачастую недемократических властей, уход которых может стать насущным вопросом в перспективе.

Наиболее неблагоприятной с точки зрения развития демократии считается обстановка в Азербайджане и Белоруссии, но последняя для польской дипломатии является приоритетом. Д. Туск и Р. Сикорский рассматривают переговоры с белорусскими властями как меньшее из двух зол. По их мнению, изолированная Белоруссия может оказаться затянутой в ловушку России, вне зависимости от того, кто находится у власти. С подачи Р. Сикорского польское правительство предлагало идею временной отмены почти всех визовых санкций ЕС против режима А. Лукашенко, несмотря на значительно более жесткую позицию США в этом вопросе. Польский министр публично обвинил США в двойных стандартах, приведя в пример их тесные связи с диктатурой в Саудовской Аравии. Польские политики, понимая риск быть воспринятыми «обнимающимися с диктатором», утверждают, что привлечение Белоруссии к сотрудничеству особенно важно после российского вторжения в Грузию¹. В свою очередь, белорусское руководство неоднократно подавало сигналы готовности к торгу с ЕС, давая понять, что может ослабить некоторые ограничения в ответ на облегчение визового режима.

Польская дипломатия сфокусирована на посредничестве в отношениях Минска с европейскими институтами и на сферах, связанных с расширением международных коммуникаций, пересечением границы, культурных связях. Примером может быть соглашение, подписанное министрами иностранных дел Польши и Белоруссии в период обострения отношений в феврале 2010 г.². Его суть заключалась в облегчении пересечения границы жителями приграничных территорий Польши и Белоруссии. Одновременно разгорался дипломатический конфликт, связанный с действиями белорусских властей, рассматривавшимися в Варшаве как ущемление прав польского меньшинства. Р. Сикорский обещал «поговорить по-мужски» со своим белорусским коллегой, польский политик, председатель Европарламента Е. Бузек призывал Минск «немедленно прекратить преследования польского нацменьшинства», а премьер-министр Д. Туск заявлял, что в ходе визита в Варшаву министр иностранных дел Белоруссии С. Мартынов «не услышит ничего приятного». Тем не менее стороны успешно обсудили вопросы сотрудничества Минска и ЕС, в частности, в рамках программы «Восточное

¹ Wikileaks: для Польши Лукашенко меньшее зло, чем Россия // News24.by. 09.12.2010. news.21.by.

² Варшава и Минск облегчают приграничное движение на фоне польско-белорусского скандала // Regnum. 12.02.2010. www.regnum.ru.

партнерство». В подобных конфликтных обстоятельствах польская дипломатия ведет себя требовательно и жестко, но не сокращает контакты, а наоборот, увеличивает. «В интересах Польши и поляков, проживающих в Белоруссии, постоянное вовлечение Минска в европейскую игру. Поэтому мы пытаемся склонить Белоруссию к поведению, более типичному для европейской политической культуры», – сказал Д. Туск на пресс-конференции в Варшаве, добавив, что, с другой стороны, Польша должна уметь жестко реагировать, «когда дело доходит до весьма негативных действий»³.

Польская дипломатия предпочитает оказывать давление на Белоруссию не напрямую, а при посредстве европейских организаций, позиция которых также во многом формируется польской стороной. В частности, главой делегации Европарламента по делам Белоруссии является польский представитель Я. Протасевич. Тактика опосредованного давления была продемонстрирована, например, в вопросе присоединения Белоруссии к межпарламентской ассамблее «Евронест». По замыслу Брюсселя, в новой структуре белорусская делегация должна была состоять из десяти человек: пяти представителей властей и пяти оппозиционеров и членов неправительственных организаций. Поскольку добиться согласия белорусской стороны на работу в таком формате оказалось предсказуемо невозможно, Е. Бузек заявил, что в случае отказа от компромисса белорусская делегация в «Евронесте» будет полностью сформирована из представителей оппозиции. Европейские представители изначально заняли позицию, не располагавшую к компромиссам: делегация Европарламента отказалась встречаться с депутатами белорусского парламента, напомнив, что в Брюсселе считают белорусский парламент нелегитимным. Схожую позицию занимает Еврокомиссия, критикующая белорусское руководство за политику, не соответствующую декларации о «Восточном партнерстве».

Польша передала европейским организациям роль «злого полицейского», будучи неспособной проводить жесткую и агрессивную политику на постсоветском пространстве. В свою очередь, партнеры Польши хорошо понимают лежащие в основе такой позиции опасения потерять налаженные контакты и возможность конструктивного диалога с постсоветскими республиками. В этом случае Польша может лишиться неформального мандата ЕС на проведение программы «Восточное партнерство».

В отношениях с Украиной и Молдовой успехи политики ЕС наиболее заметны. В диалоге с ними европейской дипломатией поставлен вопрос о позиционировании. Наибольшую остроту приобрела тема присоединения Украины к зоне свободной торговли с ЕС. По мнению российских экспертов, в среднесрочной перспективе эта инициатива принесет украинской экономике немалый ущерб, в отличие от Таможенного союза под эгидой России. В случае присоединения к зоне свободной торговли, согласно ряду прогнозов, Украине предстоят потери в размере 8 млрд долл. ежегодно. В среде экономической и политической элиты Украины также есть сомнения в необходимости этого шага. Перед интеграцией в ЕС многие страны восточной Европы приносили экономические жертвы. Для Украины это также имеет смысл лишь в том случае, если вопрос европейской интеграции является делом недалекого будущего. В настоящее же время европейские перспективы этой страны совсем не очевидны.

Украинская дипломатия стеснена обострением соперничества между Россией и ЕС. Поляризация в международных отношениях приводит к тому, что торг

³ Глава МИД Белоруссии «не услышит в Польше ничего приятного»: Туск // ИА REGNUM. 12.02.2010. www.regnum.ru.

сменяется давлением, выбор означает подчинение, а попытки длительного лавирования ведут к накоплению ошибок и ухудшению позиций. Страны с невысоким внешнеполитическим потенциалом оказываются в парадоксальной ситуации: с одной стороны, их позиционирование приобретает большее, чем прежде, значение для великих держав; с другой – они оказываются неспособными извлекать из этого политические дивиденды. Украинская дипломатия старается сохранять равноудаленность от России и ЕС. Одновременно она пытается формально закрепить по крайней мере часть обещаний, данных европейскими партнерами. В феврале 2011 г. украинский премьер Н. Азаров выдвинул предложение о поэтапном продвижении к цели и предложил зафиксировать в соглашениях те позиции, по которым между Украиной и ЕС нет разногласий, а по оставшимся – продолжить переговоры⁴. Цель этого предложения состояла не в форсировании сближения с ЕС, а в улучшении переговорного базиса как в отношениях с ЕС, так и с Россией.

Нельзя сказать, что украинские политики оптимистично настроены в оценках результативности Восточного партнерства. В ходе пятого заседания межпарламентской ассамблеи Украины и Польши 15 февраля 2011 г. в Киеве председатель Верховной Рады В. Литвин выразил надежду, что в ходе польского председательства в Европейском Союзе Восточное партнерство начнет работать, тем самым в очередной раз давая понять, что Киев не удовлетворен темпами сближения с ЕС⁵. Он подчеркнул, что проект уже требует реанимации. По его словам, необходимо решить вопросы организации и финансового состояния Восточного партнерства. В схожем ключе реализацию программы подвергал критике министр иностранных дел Украины К. Грищенко: «За почти два года существования Восточного партнерства мы так и не продвинулись от разговоров к конкретным действиям относительно ряда элементов инициативы, которые представляют добавленную стоимость для Украины. Это программы институционального развития, регионального развития, а также интегрированного управления границами. Одной из причин такого положения вещей является недостаток надлежащих ресурсов»⁶.

Одновременно с сомнениями относительно Восточного партнерства украинская сторона продолжает выказывать оптимизм относительно перспектив сближения с Европой. В феврале 2011 г. после консультаций в Киеве украинские политики утверждали, что до конца года переговоры о создании зоны свободной торговли с Евросоюзом будут завершены, а в 2012 г. планируется выйти на безвизовый режим. Менее определенно, но с намеком на сопоставимые сроки, высказывалась польская дипломатия. Однако в Брюсселе развитие отношений комментировали в совсем иных тонах, утверждая, что Украине понадобится переходный период, который может продлиться пять-десять лет.

С середины 2011 г. со стороны Еврокомиссии стало очевидным стремление форсировать переговоры с Украиной. «Соглашение о зоне свободной торговли должно быть подготовлено как можно скорее. Европейская сторона это прекрасно понимает», – заявил комиссар ЕС по вопросам торговли К. де Гухт во время переговоров в Брюсселе, состоявшихся 18 июля 2011 г.⁷. Пресса сразу сделала

⁴ Украина предлагает создавать зону свободной торговли с ЕС в два этапа. 2011.02.07. www.autoconsulting.com.ua/article.php?sid=18994.

⁵ В Киеве надеются на реанимацию Восточного партнерства во время председательства Варшавы в ЕС // Interfax.com. 15.02.2011. www.interfax.com.

⁶ Янукович ждет «амбициозных решений» от саммита Восточного партнерства // ИА REGNUM. 18.04.2011 www.regnum.ru.

⁷ Высказывание стало публичным после того, как К. де Гухта процитировали в пресс-службе украинского МИД.

вывод о том, что переговоры между Украиной и ЕС вышли на завершающую стадию и компромисс по открытым вопросам будет достигнут до саммита Восточного партнерства 29 сентября 2011 г. Такое мнение подкреплял и президент Украины В. Янукович: «Мы рассчитываем, что в сентябре 2011 г. в Варшаве пройдет второй саммит Восточного партнерства, и те амбициозные решения, которые там сейчас предлагаются, будут приняты»⁸.

Промежуточным итогом переговоров стало парафирование 31 марта 2012 г. на встрече в Брюсселе соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. Для дальнейших действий – договор должен быть подписан, ратифицирован и имплементирован – Украине необходимо выполнить ряд выдвинутых ЕС требований. Перед Украиной поставлены конкретные сроки – до саммита Восточного партнерства, который пройдет в Вильнюсе в ноябре 2013 г. После брюссельского саммита Украина – ЕС, состоявшегося в феврале 2013 г., европейские представители всячески дают понять, что время для принятия решений ограничено, а возможности могут быть упущены.

Польша является, пожалуй, наиболее последовательным адвокатом Украины, а также Молдавии в вопросе их сближения с Евросоюзом и его дальнейшего расширения на восток. Для польской дипломатии вопрос самоопределения этих стран стал ключевым. Потеря Украины будет означать фиаско Восточного партнерства и восточной политики в целом. В период президентства Польши в ЕС, которое продолжалось полгода, с 1 июля 2011 г., польское руководство пыталось совершить прорыв в политике Восточного партнерства. С этого времени явно обозначается тенденция к его более тесной интеграции с европейской внешней политикой и политикой безопасности, однако знаковые результаты не были достигнуты.

В отношениях со странами партнерства европейцы хотели бы видеть большую определенность и ждут отказа от традиционной для региона стратегии балансирования. Вместе с тем сами они не готовы даже в общих чертах определить ориентиры сотрудничества, а в предыдущие годы дискредитировали себя, допустив разрыв между обещаниями и практическими действиями. Участники партнерства понимают туманность своих европейских перспектив, а некоторые ощущают их естественную недостижимость. Невзирая на экономический кризис и сопутствующие проблемы, ЕС продолжает делать ставку на привлекательность европейской интеграции. Символический ресурс является едва ли не основным, учитывая, что бюджет Восточного партнерства недостаточен для реализации даже публично заявленных целей⁹. Еще одно противоречие европейской политики заложено в разрыве между реализуемыми интересами и ценностями¹⁰. Прежде это было не столь очевидно, однако ухудшение ситуации с демократией во всех странах партнерства, кроме Молдавии, является несомненным вызовом¹¹.

⁸ Янукович ждет «амбициозных решений» от саммита Восточного партнерства // ИА REGNUM. 18.04.2011. www.regnum.ru.

⁹ Накануне саммита Украина – ЕС в феврале 2013 г. Европейский совет заявил о готовности продолжить финансирование стран Восточного партнерства, которое будет включать транш в размере 1,9 млрд евро до конца 2013 г. Эти суммы контрастируют с общей суммой средств, выделенных на программу изначально в 2009 г. – 600 млн евро.

¹⁰ «Мы потеряли Украину» – Восточное партнерство ЕС рухнуло: Александр Пар. 25.05.2012. www.regnum.ru/news/1535130.html#ixzz2KD24G1j6; Граевский Л. Давайте подумаем, пока у нас еще есть время. 12.07.2012. eastbook.eu/ru/2012/07/topic-ru/politics-ru/lukash-graevskij-davajte-podumaem-poka-u-nas-esche-est-vremia/.

¹¹ *Gromadzki G.* Cudów nie oczekujmy // Nowa Europa Wschodnia. 2011. № 2. www.new.org.pl/2011-03-01,cudow_nie_oczekujmy.html.

Проблемы партнерства очевидны, но это не мертворожденный проект. Европа в условиях кризиса переживает дилемму раскола и сплочения. Франция, Германия и Польша все чаще занимают единую позицию по многим вопросам. Евродипломатия также делает политику ЕС более монолитной, несмотря на свою неэффективность.

Основа различий конкурентных стратегий европейских стран и России состоит в том, что Россия предлагает традиционную форму зависимости, стремясь занять на постсоветском пространстве роль ключевого посредника и арбитра. Европейцами, напротив, сделана ставка на формирование новых элит и на внутренние демократические преобразования. Восточное партнерство принципиально отличается от ГУУАМ тем, что может стать не просто сообществом стран, эксплуатирующих тематику отдаления от России, но сообществом, способным сблизиться с западным миром в политической, экономической и культурной сферах.

Официальная оценка инициатив Восточного партнерства российской стороной в целом настроенная. Министр иностранных дел С. Лавров настаивает на том, что перед странами партнерства поставлен выбор – быть с Россией или с ЕС¹². Участие России в Восточном партнерстве авторами проекта не предполагалось. Но предложение о сотрудничестве в формате «группы друзей», поступившее от Польши 24 мая 2010 г., должно было снять видимость антироссийской направленности партнерства¹³. Р. Сикорский отметил, что помимо России в этой группе могли бы участвовать «Норвегия, Канада, США, Япония и другие страны».

В российском экспертном сообществе доминируют две точки зрения. Первая позиция – скептическая – представлена, в частности, мнениями С. Караганова и Ф. Лукьянова, которые полагают, что настоящим показателем заинтересованности в данном проекте является уровень его финансирования, а оно, в сопоставлении с заявленными целями, совершенно незначительное¹⁴. Действительно, Восточное партнерство не опирается на серьезные экономические ресурсы, однако тенденция к наращиванию финансирования уже определенно заметна сейчас.

Другая позиция – настроенная – представлена мнениями А. Суздальцева, И. Панарина, С. Чернявского и ряда других экспертов, рассматривающих инициативу ЕС как серьезный удар по региональным позициям России¹⁵. Эти исследователи видят в Восточном партнерстве значительный потенциал, американскую инициативу и практически удавшуюся попытку вытеснения России из европейской части постсоветского пространства.

¹² В Москве надеются, что программа ЕС «Восточное партнерство» не заставит страны-участницы выбирать между Россией и Евросоюзом // Интерфакс. 06.05.2009. m.interfax.by/news/world/54790.

¹³ В 2011 г. МИД РФ заявлял, что Россия не исключает возможности сотрудничества с Евросоюзом в рамках Восточного партнерства, но только в том случае, если в этом формате будет создана приемлемая для РФ схема взаимодействия. См.: Обиженный Евросоюзом Минск бойкотировал саммит Восточного партнерства. Зато на сотрудничество намекнула Москва. 30.09.2011. www.newsru.ru/world/30sep2011/lukashenko.html.

¹⁴ Интервью Ф. Лукьянова автору; Восточное партнерство как зеркало европейских ожиданий соседей РФ. greenopinion.ru/energydialogue/?q=node/3275. В лекции «Хаотизация международных отношений и Россия» (2 ноября 2011 г.) С. Караганов пишет: «...политика Восточного партнерства, которая нас пугает, за которой нет ничего». karaganov.ru/content/images/uploaded/4194866e05c5477872d67a930801e5cd.doc.

¹⁵ См.: Восточное партнерство: проблемы реализации и возможные последствия. Материалы заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств. 19 ноября 2009 г. council.gov.ru/files/journalsf/number/20100824163131.000000.pdf.

По нашему мнению, делать выводы о перспективах Восточного партнерства – задача второстепенная¹⁶. Гораздо важнее тенденции, лежащие в основе программы, а они свидетельствуют об уже начавшихся серьезных региональных трансформациях, негативных для интересов России.

¹⁶ Автор относит себя к противникам линейного политического прогнозирования, отдавая предпочтение сценарному подходу.